

А. В. Шарипова

**Вклад немецких путешественников Отто Финша и Альфреда Брема
в изучение истории казахов второй половины XIX – начала XX в.**

В статье рассматриваются материалы, связанные с экспедицией немецких путешественников Отто Финша и Альфреда Брема в Среднюю Азию и Сибирь для изучения быта, традиций и обычаев казахского народа XIX в.

Ключевые слова: этнология, история, естественные науки, экспедиция, география региона, казахский народ, жильё, одежда, пища, юрта, антропологический тип.

A. V. Sharipova

**The Contribution of German Travelers Otto Finsh and Alfred Brem
into Studying the History of Kazakhs
of the second half of the XIX – the beginning of the XX century**

In the given article the materials connected with the expedition of German travellers Otto Finsh and Alfred Brem to Central Asia and Siberia are considered. They studied a life, traditions and customs of the Kazakh people of the XIX century.

Keywords: ethnology, history, natural sciences, an expedition, region geography, the Kazakh people, habitation, clothes, food, a yurta, an anthropological type.

Немецкая историография второй половины XIX – начала XX в. характеризуется повышенным интересом к изучению Средней Азии и Казахстана, обусловленным в тот период в Германии возникновением и ходом развития этнологии, истории и других областей знания о человеке как научных специальностей.

Среди немецких исследователей Центральной Азии и Казахстана следует выделить Отто Финша и Альфреда Брема. *Отто Финш* (8 августа 1839 г. – 31 января 1917 г.) – немецкий этнолог, орнитолог и путешественник-исследователь, ставший известным прежде всего благодаря подготовке к завоеванию Германией колонии Новая Гвинея. В честь него названы гавань и побережье в Папуа-Новой Гвинее. *Альфред Эдмунд Брем* (2 февраля 1829 г. – 11 ноября 1884 г.) – немецкий зоолог и путешественник. Родился в Рентендорфе (Тюрингия). Побывал в странах Европы, Африки, Азии, в 1876 г. – в Западной Сибири и Казахстане.

По результатам научных исследований на стыке истории, этнологии с естественными науками возник совместный труд немецких ученых Отто Финша и Альфреда Брема на тему «Поездка в Западную Сибирь» [1]. Эта книга была написана на основании экспедиционных материалов

70-х гг. XIX в. по Сибири. Экспедиция Отто Финша и Альфреда Брема в Западную Сибирь имеет свою собственную историю. Немецкие авторы рассказали о ней в предисловии к вышеупомянутой книге.

Исследователи обращали отдельное внимание на проблемы истории и этнологии, экономики и географии региона. Особую ценность данной работе придает богатый этнографический материал, охватывающий различные стороны жизни казахского общества.

Следует подчеркнуть следующий важный момент. С XVIII столетия в русских источниках, а затем и в европейской литературе казахов ошибочно стали называть «киргизами», «киргиз-казаками» и «киргиз-кайсаками» («кайсак» – искаженное «казак»). Эти названия в 1867 г. сократили до «киргиз». В XVIII – нач. XX в. термин «киргиз» надолго вошел в этнографический лексикон русских и европейских авторов и исследователей, потому немецкие исследователи Отто Финш и Альфред Брем использовали вместо термина «казах» в своей работе термин «киргиз».

Отто Финш и Альфред Брем представили материалы о жизни казахского народа немецким читателям с подробным описанием внешнего вида казахов, жилья, одежды и питания. Немец-

кие авторы собрали богатый и разнообразный материал об этнологии казахского народа. В исследовании Отто Финша и Альфреда Брема была представлена полная и подробная этнографическая картина.

Немаловажное значения придавалось изображению физического облика казахов. При описании первой встречи с казахами Отто Финш и Альфред Брем указывали на «монгольское» происхождение казахов, исходя из особенностей их внешнего облика. Тем не менее, отмечали сами исследователи, такой вывод оказывается справедливым только при сравнении их с татарами. Однако, по их словам, при изучении значительного числа представителей казахского народа становится труднее дать определенную характеристику антропологического типа.

В книге говорится, что казахи были обычно среднего и малого роста, плотного телосложения. Богатырские фигуры, впрочем, редки, и замечательная корпуленция некоторых султанов и других знатных киргизов вызывается лишь постоянной ленью, довольством и изобильным потреблением кумыса. В этом же русле представлено описание казахской женщины из бедной семьи. Они отмечают, что прекрасный пол был одет крайне бедно, в черных изорванных кафтанах и с грязным первоначально белым, платком на голове, который, впрочем, не закрывает лица, как это собственно предписывает религия. Смуглый цвет лица, косолежащие глаза и выдающиеся скулы напоминают об их монгольском происхождении, которое, у мужчин заметно еще резче. Вместе с тем О. Финш и А. Брем признают, что в ходе экспедиции им не удалось увидеть знатных киргизских женщин, поэтому они не смогли составить о них даже беглого представления.

Немецкие исследователи стремились в сравнении оценить образ жизни богатых и бедных казахов, изучая стоимость юрты, которая зависела от изготовленного материала. Так, юрта из белого войлока с пестрыми узорами, которая покрывается внутри ценными бухарскими или туркменскими коврами, может стоить несколько сот и тысяч рублей, тогда как простую маленькую войлочную юрту, в какой обыкновенно живут бедные казахи, можно оценить в 10–15 рублей [1, с. 74–93]. В связи с этим следует согласиться с наблюдениями и выводами немецких ученых о том, что быт и жилище бедных казахов не представляли и тысячной доли той роскоши, которую они впоследствии увидели у султанов и местных богачей. Жилище бедных казахов вы-

звало истинное сочувствие у немецких путешественников. На их взгляд, оно было немногим лучше чумов остяков и самоедов. Особое беспокойство у О. Финша и А. Брема вызвало зимнее пребывание в такой юрте, когда в степи ощущается острый недостаток в топливе и приходится топить хворостом или высушенным навозом (кизьяком). Исследователям удалось верно оценить достоинства юрты, которая не только защищает «от дождя и ветра, но и представляет еще то удобство, что ее легко складывать и ставить вновь. Менее чем в полчаса искусные руки в состоянии собрать юрту и в еще меньшее количество времени ее части могут быть разобраны, сложены и навьючены на верблюда» [1, с. 157].

В условиях сурового климата казахи прибегали к строительству зимнего жилища, вызвавшего неподдельный интерес О. Финша и А. Брема: «Часто встречались нам юрты киргизов, а равно и их зимние жилища, сделанные из высушенных кирпичей, приготовление которых нам также пришлось видеть. Степной чернозем раскладывается при этом, как у нас в Бремене торфяники, в виде огромной, вязкой лепешки, которую здесь топчут, однако, не деревянные башмаки поселян, а верховые, копытами своих лошадей. Сначала это нас очень удивило, но впоследствии мы убедились, что киргиз старается все, что только возможно, делать верхом на своей лошади» [1, с. 120].

Как известно, не всем удавалось построить зимнее жилище. В таких случаях изыскивались различные способы защиты от зимней стужи. В суровых условиях степной зоны казахи предпринимали различные попытки обустройства быта. Этому способствовало развитие всевозможных ремесел, о наличии которых свидетельствовали материалы немецких путешественников. О. Финш и А. Брем признают, что казахи «искусны в изготовлении предметов, служащих для ежедневного употребления, например, точеных чашек и других деревянных изделий» [1, с. 153]. Несмотря на то, что развитие кузнечного ремесла не достигло значительного совершенства, изделия отдельных казахских мастеров пользовались широкой известностью. В Алтайской станице майор Бахирев подарил немецким гостям нож с серебряной насечкой в виде красивых арабесок, изготовленный специально по заказу у казахского мастера. Путешественники отметили развитость седельного и шорного ремесла. Однако наиболее значительных успехов казахи достигли в изготовлении войлока, который получается «у них весьма искусно, и их

войлочные одеяла (кошмы), украшенные пришитыми или вытканными каймами, большей частью с красными узорами, нередко имеют весьма красивый вид» [1, с. 153–154].

Юрту казахов невозможно представить без войлочных изделий, предметов ткачества. Даже на полу кибитки, «за исключением места, где помещается очаг, покрывают кошмами, на которые, когда являются гости, кладут новые узорчатые кошмы или туркменские ворсовые ковры» [2, с. 68]. Войлочное производство относится к домашнему промыслу, в сфере которого испокон века были заняты казахские женщины. Однако в сложном процессе, требующем определенных навыков и усидчивости, для получения готового войлока принимали участие женщины не только одной семьи, но и жители всего аула. Наблюдения за изготовлением войлока, в котором принимали участие не только женщины, но и мужчины, позволили О. Финшу и А. Брем сделать выводы «о соразмерном разделении труда между обоими полами» [1, с. 154].

Исследователи представили подробное описание одежды мужчин, принадлежащих к разным социальным группам казахского общества. Бедные казахи «были одеты в поношенные тулупы, а на головах у них были своеобразные шапки, снабженные наушниками и назатыльниками, обшитые лисьим мехом» [3; 4, с. 154–155]. Как признают авторы, в отличие от них, «богатые одеваются гораздо наряднее: ... широкие шубы, ергаки из дубленых кож жеребят носятся мехом вверх и отличаются оригинальными украшениями из гривы». Детально описывая одежду богатых казахов, О. Финш и А. Брем отмечают, что «киргизы, как магометане, бреют волосы на голове или стригут их вплотную и носят маленькую ермолку, искусно сшитую из сборчатой материи или шелка, у богатых ермолка шьется из бархата и вышивается золотом. Сверх ермолки надевается ... бюрка, или обыкновенная круглая шапка. Такие шапки, особенно из белых курчавых барашков, очень красивы и охотно носятся даже русскими. Очень нарядными считаются шапки из лисьих лапок, которыми богатые любят также подбивать свои халаты. В виде особенного украшения в верхнюю пуговицу шапки втыкается еще перо совы. Войлочные шапки в моде у киргизов уже с давнего времени и доныне к счастью не вышли из употребления. Обыкновенные маленькие, белые, формой более или менее напоминающие штирийские «фески», носятся преимущественно бедняками; богатые же в торжест-

венных случаях надевают оригинальные, высокие шляпы с отогнутыми сзади боковыми полями и убранные мелким шитьем и шнурами.

Пища, являясь исключительно важным элементом бытовой культуры, отражает значительную устойчивость национальных форм, традиций. В системе и модели питания представлены поведенческие аспекты людей, обусловленные социально-экономическими условиями общества. Пища казахов отражает традиционный образ жизни кочевого общества. В связи с этим О. Финш и А. Брем признают, что основным продуктом питания является мясо, которое «при изобилии режется ломтями и сушится на воздухе» [1, с. 151].

Как известно, кроме занятия основным видом хозяйственной деятельности, казахи, когда позволяло время, преимущественно зимой, занимались охотой. О. Финш и А. Брем отметили, что среди казахов имелись страстные охотники, и отдали должное тому, что они умели «превосходно стрелять из кремниевых орудий плохого качества, пришедших на смену прежним оружием: пикам, лукам, стрелам и дубинам» [1, с. 152]. Путешественники представили в своей работе подробное описание сцен охоты, в которой они принимали участие, где особенно отличился доктор Альфред Брем. Степные аристократы, сопровождавшие немецких гостей, находясь под впечатлением охоты, «послали вечером за знаменитым бардом своего племени, который воспел бы в стихах подвиги чужестранца с орлиным носом и соколиным взором» [1, с. 99].

Следует отметить, что немецким путешественникам удалось верно оценить место каждого животного в системе мировоззренияномада. Овца, как известно, распространенное животное, которое кормило, одевало, обувало и согревало кочевника, являясь символом материального богатства, обеспеченности. Помимо этого, овцы считались символом земной жизни. Представителем подземного мира считалась корова. Лошадь – это символ ума, интеллекта, представитель высшего мира [5, с. 19–20].

Тонко подметив особое пристрастие казахов к лошадям и верховой езде, О. Финш и А. Брем отмечают, что это отражается в быту, мышлении и фантазии народа: «Как всемномадам, киргизам известны главнейшие звезды и созвездия. Так, например, они хорошо знают полярную звезду и созвездие Большой Медведицы, которая у них носит название “Джеди-Каракчи”, то есть “Семь воров”. Движение созвездий они объясняют сле-

дующим образом: к железному столбу привязаны две лошади (две светлые звезды Малой Медведицы), преследуемые семью смелыми ворами, и все вместе они кружатся около железного столба (полярной звезды). Эта игривая сказка показывает, как сильно развита у киргизов фантазия: и действительно, у них существует множество легенд и героических поэм» [1, с. 158].

Говоря в целом о религиозных верованиях казахов, немецкие путешественники указывают на то, что «киргизы не могут считаться ревностными магометанами», объясняя это кочевым образом, не создающим им условий для постоянного «посещения мечетей и преподавания Корана муллами и ходжами» [1, с. 145]. Однако, как отмечают исследователи, «киргизы совершают обрезание и соблюдают большие праздники (например, Байрам, Курбан-Байрам и др.), хотя строгие посты Рамазана, ежедневные моления и омовения совершаются и исполняются ими весьма поверхностно» [1, с. 145].

Во время путешествия доктор Альфред Брем удивил аборигенов не только успехами на охоте, но и великолепным знанием ислама и Корана, «из которого мог произнести по-арабски более сур, чем любой киргизский султан, вся мудрость которого никогда не простиралась далее «фаты» (первой суры)» [1, с. 145].

Таким образом, в оценке деятельности путешественников по изучению культуры казахов следует отметить особую симпатию и внимание при описании жизни и быта населения Мангышлака, попытку дать немецким читателям возможность в максимальной степени понять характер, обычаи и жизнь столь чуждого европейцам народа. Немецкие путешественники критически относятся к представлениям о казахах, которые сложились у предшествующих авторов, побывавших в этом крае. В отличие от известного английского путешественника Т. Аткинсона, «без сожаления покинувшего народ, у которого грабеж, убийство и разорение совершаются безнаказанно», О. Финш и А. Брем отмечают «полнейшую предупредительность и гостеприимность» во время их визита и находят характеристику Т. Аткинсона «столь же резкой, сколько и несправедливой» [6, с. 130]. По поводу воровства, за исключением конокрадства, которое, по мнению немецких авторов, составляет довольно редкое явление, в целом воровство не присуще казахам, так как во время их путешествия не пропало ни одной безделицы, а принимали их всегда «в высшей степени вежливо и радушно», распола-

гая «к себе бескорыстным гостеприимством» [6, с. 144–145].

Изучение духовной культуры народа, в сравнении с культурой материальной, всегда представляло для путешественников большую трудность. Это и понятно: специфику жилища, одежды, пищи, орудий труда путешественник замечает в первые же дни и часы своего пребывания в какой-либо стране. С другой стороны, он может прожить в ней несколько месяцев, и так и не узнав всего своеобразия танцев, свадебных обычаев, особенностей этикета ее народа, не говоря уже о поэзии или мифологии, для понимания которых необходимо владение местным языком [1, с. 76]. Тем не менее, немецким путешественникам все же удалось представить самобытную картину духовной культуры казахского народа.

Изучение многих сторон жизни казахов началось у путешественников со знакомства с ораторским искусством. Находясь всю жизнь в седле, изучая движение звезд и по ним определяя время, вглядываясь в беспредельную даль степи и восхищаясь природой, кочевник выработал свою культуру, частью которой было слово [5]. Альфреда Брема и Отто Финша восхитили выразительность казахского языка, поэтическая одаренность народа и самобытное искусство «бардов». Высоко оценивая поэтическую культуру кочевников, они писали: «Киргизы, как известно, обладают весьма развитой поэзией, которая, при посредстве импровизаторов, передается из рода в род... Поэма, описывающая подвиги героя Кузу-Керпеча (Козы-Корпеш – казахский эпос), погребенного по преданию от Аягуса (Аягуз – местность), заключает в себе не менее 1365 стихов и поражает столь же простой рассказом, сколько нередко поистине поэтическим содержанием» [1].

К сожалению, в исследованиях немецких путешественников содержатся фрагменты описания одежды казахских женщин. В то же время большинство немецких авторов (Ф. Гелльвальд, А. Пецхольд, Р. Карутц и др.) отмечают ее уникальную самобытность. Немецкий исследователь Ф. Гелльвальд указал на «своеобразный наряд женщин у кайсаков», сопроводив рисунком, где было изображено роскошное саукеле. Наряд молодой казашки «с высоким башнеобразным головным убором» привлек внимание О. Финша и А. Брема. Далее они отмечают, что «киргизские женщины и девушки не менее наших интересуются нарядами и уборами, знакомы с употреблением белил и румян, а равно, по турецкому обычаю, и хенны, то есть краски для ногтей» [1,

с. 155]. Описывая головной убор казашек, никто из путешественников не отметил, что, помимо утилитарного назначения, он носил опознавательную функцию, являясь указателем семейного положения. Как известно, уборы и прически девушек и замужних женщин имели существенные различия. Вместе с тем, основной комплекс одежды женщин того времени сходен с мужским: штаны, узкая и верхняя распашная плечевая одежда и др.

Оригинальный способ ведения казахами молочного хозяйства привлек внимание О. Финша и А. Брема: «Ежедневный сбор коровьего, козьего и бараньего молока сливается вместе, в большой кожаный мешок и сбивается там в масло с помощью палки, к которой прикреплена горизонтальная деревянная веселка. Получаемый продукт называется “сарма”. Остающаяся затем сыворотка “айран” составляет любимую и главную пищу киргизов» [1, с. 210].

Не менее полезен и «еремчак», рассматриваемый путешественниками как «рыхлый сыр из овечьего молока, разведенный молоком или водою. Одна или две его чашки, взятого в дорогу, утолили жажду голода». В восьмой главе книги О. Финша и А. Брема («Через Тарбагатай и Нор-Зайсан») содержится подробное описание технологии приготовления курта, составляющего «важную часть зимнего продовольствия казахов». К такому выводу, знакомясь с различными способами приготовления сыров, пришел и другой немецкий исследователь Р. Карутц: «Сыр готовится различных сортов, в виде желтой или белой твердой массы, который едят с чаем, обмакнув его предварительно в сало, особенно охотно зимою, почему он и составляет единственную часть припасов на зиму» [1, с. 50–51].

Разнообразие молочной пищи свидетельствовало о ее древнем происхождении. О Финш и А. Брем располагают обширными сведениями о целебных свойствах кумыса и верблюжьего молока, почерпнутыми из трудов побывавших в казахской степи предшественников. В то же время они неоднозначно отзываются об этих важных для казахов напитках. Так, первое впечатление от кумыса, потребленного в гостях у Полторацких (семьи Семипалатинского генерал-губернатора), было весьма неплохим, но впоследствии эти напитки (кумыс и верблюжье молоко) показались чужестранцам «не особенно вкусными» [1]. Причина этой противоречивости заключается, на их взгляд, в хранении кумыса в кожаных мешках (турзук), из-за которого он приобретает «неприятный запах и делается противным на вкус», хотя они далее пишут: «Киргизы утверждают, и опыт подтвердил их показание, что этот напиток только и можно готовить в таких кожаных мешках... Кумыс есть один из самых здоровых и питательных напитков, который, кроме того, заслуживает внимания и как лекарственное средство» [1, с. 150].

Таким образом, можно сказать, что немецкими исследователями был собран обширный этнографический материал. Они предприняли попытку представить немецким читателям жизнь чуждого европейцам народа через обстоятельное освещение многих аспектов материальной и духовной жизни.

Библиографический список

1. Finsch O., Brehm A. Reise nach West-Sibirien im Jahre 1876 [Text]. – Berlin, 1879 – 124 S.
2. Карутц, Р. Среди киргизов и туркмен на Мангышлаке [Текст] / Р. Карутц. – СПб., 1910. – 188 с.
3. Гелльвальд, Ф. Естественная история племен и народов [Текст] / Ф. Гелльвальд. – СПб., 1883. – Т. 1. – 618 с. – Т. 2. – 810 с.
4. Freund M-Das Elisteproblen in der modernen Politik [Article] // Politische Bildung, 1954, Н. 46. – S. 238.
5. Сарсекеев, Б. С. Кочевники Степи [Текст] / Б. С. Сарсекеев. – Акмола, 1997. – 47 с.
6. Шварц, Г. Средняя Азия и Сибирь [Текст] / Г. Шварц // Гельмголь Г. История человечества. Всемирная история. Т. 2. – СПб., 1902. – С. 112, С. 115.